

Археологическая основа степной гипотезы происхождения индоевропейских языков: критический взгляд

[Лев Клейн](#)

Мне уже доводилось писать специально о Кристиане Кристиансене и его работах (Клейн 2009; 2014; Klejn 2008). Это очень крупный европейский археолог и интересный исследователь. Его книга в соавторстве с В. Ларсоном «Подъем общества бронзового века» стала лидером целого направления в видении бронзового века Европы – направления, противостоящего другому, сигнализированному книгой С. Хардинга. Направление Кристиансена видит бронзовый век как полный перелом неолитических традиций, а население – как взаимосвязанное и мигрирующее. Кристиансен славится своими проникновенными и детальными исследованиями материалов бронзового века Скандинавии и своим умением видеть за изменчивостью деталей закономерные сдвиги социально-экономических структур. Наши интересы пересекаются во многих областях археологии, и в последние годы к ним добавились вопросы происхождения индоевропейских языков.

В 2009 году появилась его обобщающая статья о выходе из индоевропейской прародины по данным археологии, а в 2012 году вышел более пространственный и модернизированный вариант этой статьи, который Кристиансен разрешил перевести и опубликовать на нашем сайте. Это тем более интересно, что Кристиансен вместе с генетиком Эске Виллерслевом затем руководил командой генетиков и археологов, выпустивших недавно, в 2015 г., [сенсационную статью](#) о происхождении культур шнуровой керамики, которых связывают с ранними индоевропейцами, из ямной культуры понто-каспийских степей (Allentoft et al. 2015). Любопытно посмотреть, какие выводы этой статьи оказались новациями, основанными исключительно на данных генетики, а какие уже были заготовлены у Кристиансена заранее и на чем они основаны.

Сразу же констатируем, что Кристиансен был уже до своих контактов с генетиками сторонником степной гипотезы происхождения индоевропейцев. В этом отношении интересен в конце его археологической статьи краткий обзор основной литературы, на которой он строит свои представления о картине этногенеза Евразии. Его опорные работы в этом деле таковы.

1. Это книга Д. Энтони «Конь, колесо и язык» (Anthony 2005), ставшая после книги Дж. Мэллори (Malloy 1989) библией сторонников степной гипотезы Марии Гимбутас (книги Гимбутас были сильно дискредитированы и устарели, а книга Мэллори еще активно цитируется). Я предпринял детальную проверку книги Энтони (Klejn 2008; Клейн 2009а) и нашел, что его основные доказательства не держатся.
2. О тохарских языках Кристиансен предлагает судить по книге «Таримские мумии» Мэллори и Майра (2000), очень добротной книге, но в которой языковые отношения не рассматриваются, а из всех концепций идентификации тохаров выбрана одна – афанасьевская культура. Доказательства этого не превышают тех, что приводил ярый сторонник этой гипотезы Вл. А. Семенов, но существуют еще несколько концепций, и у всех не менее веские доказательства. Они у Мэллори и Майра, а затем у Кристиансена не рассматриваются. В частности не рассматриваются статьи и книги А. А. Ковалева, в которых на роль прото-тохарской выдвинута новооткрытая чемурческая культура III тысячелетия, явно мигрировавшая в соседство с Китаем из Франции (Ковалев 2011; 2012).
3. О воздействии ямной и культуры колоколовидных кубков на Центральную Европу и Северную Италию Кристиансен предлагает судить по «конструктивной статье» Харрисона и Хейда (2007), но он оставил без внимания новую статью Хейда, еще более конструктивную, в которой Хейд показывает, что ямная культура в Венгрии (самом западном из ее анклавов) занимает только степные участки и не идет в другие земли, не продвигается западнее границ степной зоны (Heyd 2011).

Теперь рассмотрим основные положения Кристиансена. Он предваряет свои размышления изложением двух своих основных методологических стратегий.

Первая стратегия требует выявления социальных и религиозных институций в обществе, которые могут вести к изменению языка. Но существенная поправка состоит в том, что могут и не вести. Здесь, видимо, сказывается приверженность Кристиансена к марксизму (конечно, западному марксизму, в духе Чайлда). В марксизме было модно выводить языковые изменения из социально-экономических, пока это не было отвергнуто Сталиным в его знаменитом выступлении в дискуссии 1950 года, когда он высказался, что язык не есть надстройка над социально-экономическим базисом.

Вторая стратегия Кристиансена гласит, что для археологической констатации исхода населения необходимо установить причины этого исхода. Таким образом можно, де, выбрать правильную прародину – она там, где есть причины для исхода. Я специально посвятил большую работу археологическим признакам миграции, где постарался отделить констатацию от установления причин (Клейн 1973; 1999). Это разные задачи и разные подходы. Мы можем констатировать миграцию, не зная ее причин. Но Кристиансен думает, что в степях Восточной Европы эти причины найти легче, чем в других местах, между тем это зависит от времени, климата и ряда других условий.

Таким образом, методологические предпосылки Кристиансена не усиливают его позицию в решении проблем этногенеза.

Главной героиней романтического изложения Кристиансена об экспансии индоевропейских языков является ямная культура. Из нее выводятся все культуры шнуrowой керамики, все они оказываются носителями индоевропейских языков, стало быть, ямная культура – это носитель праиндоевропейского, а ее ареал – прародина всех индоевропейцев. С самого начала русского человека раздражает термин, которым она обозначена у Кристиансена в английском – *yamna*. Это слово-уродец введено не Кристиансеном, оно употребляется еще Мэллори и внедрено им в энциклопедию индоевропейских штудий. Мэллори, или кто там первым его употребил, очевидно, думали, что отбрасывают окончание (флексия) и звучит только основа. Но это не так.

В русском языке есть слово *яма*. Оно состоит из корня *ям-* и флексии именительного падежа единственного числа женского рода *-а*. Почему *яма* женского рода, я не знаю, но она женского рода. Прилагательное от этого существительного — *ямная*, где *ямн-* есть основа с *-н-* суффиксом адъективизации, а *-ая* есть флексия опять же именительного падежа единственного числа женского рода, ибо *культура* в русском языке – тоже женского рода. Флексия — именно всё окончание *-ая*: родительный падеж будет *-ой*, винительный – *-ую*, и т. д. Таким образом слово *ямна* в русском языке не существует. Оно обрезано на середине одной из флексий. Это не корень, не основа и не полное слово. Оно могло бы существовать как краткое прилагательное (похожие есть), но не существует. Оно сразу опознается как экзотическое, нерусское.

Точный перевод имени, если желать непременно ограничиться основой, был бы *ямн*, но это звучит ныне странно. Слово *ямная*, как ее обозначили в статье Аллентофта и др., с флексией именительного падежа (только именительного) единственного числа женского рода звучит слишком узко, но по крайней мере понятно по структуре. Самым адекватным было бы, как мне кажется, старое обозначение *pit-grave culture* (культура ямных погребений) или просто *pit-culture* (буквально: ямная культура), ибо по-русски оно так и звучит – описательно, как *Battle-Axe culture* (культура боевого топора), или *Corded Ware culture* культура шнуrowой керамики).

Кстати, изобретение *yamna* сбивает с толку не только иностранцев, но и русских. Так некий Сергей Мануков в изложении открытий генетиков и связанных с ними археологов на сайте «Expert Online» в статье „Российское происхождение европейцев“ (не более, не менее) пишет, что культура эта обнаружена в районе Ямной (он видимо принял слово Ямная за эпоним), а ее носителей (ямников) систематически называет «ямнанами» (наверное, от слова «ямна»). Эксперт...

Содержательное представление о ямной культуре у Кристиансена тоже нуждается в коррекции.

Возможно, что культуры шнуrowой керамики (кстати не все) заимствовали курган для своих покойников от ямной культуры – это распространение религии, не обязательно миграция. Но четкое отделение мужчин от женщин в погребальном ритуале, выделение воинов – это именно особенность культур шнуrowой керамики и боевого топора, а в Причерноморье – катакомбных культур, т. е. третье тысячелетие, у ямников не было ничего подобного (Иванова 2001). А уж колесницы и колесничная аристократия – еще позже, второе тысячелетие, причем далеко не везде: в северной и западной Европе их не было.

Особое значение металла для развития общества степняков по сравнению с земледельцами Кристиансен явно преувеличил. Металл нужен тем и другим, но больше всё-таки земледельцам – для изготовления земледельческих орудий. У степняков нож да шило – вот и всё применение металла. До металла обходились и без металла. Вооружение же в течение всего раннего бронзового века оставалось каменным: кремневые наконечники стрел для лука, каменные боевые топоры-молоты, булавы. Вспомним, что ямная культура – это ранний бронзовый век, у трипольцев тоже металл был не менее обычным, чем у ямников, а вот поздненеолитические культуры шнуrowой керамики, якобы вышедшие из ямной, почти не владели металлом – вернулись в каменный век?

В общей картине этногенетических событий на просторах Европы у Кристиансена важную роль играют две культуры – трипольская и майкопская. Так получилось, что в суждениях об обеих он опирается на работы моих бывших студентов, ныне уже весьма пожилых исследователей – В. А. Дергачева и А. Д. Резепкина. Дергачев придерживается концепции М. Гимбутас и строит внушительную картину давления степняков на трипольскую культуру, которая вынуждена обороняться и, наконец, частично отступает, частично переходит сама на подвижный образ жизни. Но на нее давили не только степные группы населения (ямники), но и наседавшие с северо-запада люди культуры воронковидных кубков и шаровидных амфор. И уж совершенно неверно трактовать трипольскую культуру как протогородскую цивилизацию, а ее большие поселения – как протогорода. Это были просто большие сёла, не имевшие с городами ничего общего, кроме занимаемой площади и числа жителей (Клейн 2009б). Кристиансен напрасно поверил некоторым украинским археологам, впавшим в естественные преувеличения.

Ямная культура не имела мощного вооружения, а повозки ямников на массивных тяжелых колесах, запряженные волами, были не боевыми. Ямная конница – это из области отживших баек. Домашняя лошадь шла у ямников на мясо, использовались ли лошади как вьючная тягловая сила, неизвестно. В повозки лошади не запрягались, колесниц еще не было, доказательств верховой езды нет. Население было реже, чем трипольское. Поэтому я склонен объяснять упадок трипольской культуры не экспансией ямников, а климатическими изменениями, приведшими трипольское хозяйство к неэффективности и

упадку, чем и воспользовалось население соседней ямной культуры. Всё большее пространство освобождалось для их хозяйствования, которое в новых природных условиях было более эффективным.

Майкопскую культуру Кристиансен видит единой и образцовой для ямной. Ямная культура, по его представлениям, выросла из экспансии майкопской на север. Майкопскую он помещает на Кавказе, хотя она находится в долине Кубани, а не в горах, а Кубань – не горная река. Кавказ – это горный хребет, то, что южнее его, называется в России Закавказьем, то, что севернее – Предкавказьем. Горные страны Закавказья (Армению, Грузию, Азербайджан) еще можно расширительно именовать Кавказом, но никак не Предкавказье. А уж ямная культура – и вовсе в степной полосе Украины и России – до Урала, захватывая и предкавказские степи. Но раз она, по Кристиансену, вышла из майкопской культуры, он и ее считает кавказской. Вот отсюда и происходит та терминология статьи Аллентофта и др., которая приводит в недоумение русских читателей: раздутое употребление топонима Кавказ.

Вышла ли ямная культура из майкопской – большой вопрос. Их объединяет только курган, но происходят ли ямные курганы от майкопских, неясно. На Ближнем Востоке купольные гробницы возводились в халафской культуре с V тысячелетия, на Кипре – с IV, но в культуре Эртебелле погребения накрывались холмиком еще в VI – IV тысячелетиях, а затем курган практиковался как один из погребальных элементов в культуре воронковидных кубков с IV тысячелетия. Гораздо больше оснований видеть корни ямной культуры в репинской и через нее в хвалынской, еще больше – в нижнемихайловской, а происхождение нижнемихайловской пока неизвестно, но ее мегалитические элементы тянут к европейским традициям.

Майкопская культура вовсе не единая. Еще в середине прошлого века А. Д. Столяр установил, что в майкопских поселениях два очень различных слоя и предложил считать их принадлежащим двум различным культурам. Правда, он еще считал вторую развившейся из первой. Но и это было вскоре поставлено под вопрос, да ведь еще Чайлд трактовал сосуды из Новосвободной (б. Царской) как говорящие о северном происхождении. В моем семинаре 1960-х – 70-х годов самостоятельность и северное происхождение второй культуры, новосвободненской, были общим мнением, которого и я придерживался. Некоторые члены этого семинара, ставшие затем известными исследователями, выпустили позже специальные работы, в которых предложены и разработаны северные источники происхождения новосвободненской культуры. Из них В. А. Сафронов, известный своей книгой «Индоевропейские прародины», выводил новосвободненскую культуру из культуры шаровидных амфор, а А. Д. Резепкин находил близкие аналогии в культуре воронковидных кубков, в частности в ее баальбергском варианте. Он рассматривает в этом плане не только керамику, но и дольмены. Сафронов и его жена Н. А. Николаева писали о массовом наплыве северо-западных культурных волн с мегалитическими компонентами на Северное Причерноморье и Предкавказье в энеолите, и это выводы, опирающиеся на материал.

Кристиансен ссылается на немецкую статью Резепкина о его раскопках интереснейшего новосвободненского комплекса в Кладах с массой индоевропейских элементов (с индоарийскими аналогиями), кстати отсутствующих в чисто майкопских комплексах. Но он совершенно игнорирует русскую (с английским резюме) книгу Резепкина «Новосвободненская культура» (2012). Видимо, не успела дойти до Гётеборга, где работает Кристиансен.

Остается еще рассмотреть карту распространения трех типов псалиев, действительно очень конструктивную и выразительную, составленную Кристиансеном и Ларсоном. Но трактовка этой карты вызывает недоумение: Кристиансен, верный западномарксистской идее «мировой системы» бронзового века выводит из своей картографии некие торговые пути на север, в страны культур шнуговой керамики и одиночных погребений. На карте же совершенно отчетливо видно, что распространение псалиев резко ограничено с севера линией, проходящей от южного Урала к Швейцарии и дальше поворачивающей на юг, к Адриатическому морю (небольшой анклав есть в низовьях Сены). Вся северная половина Европы отпадает, как и западная часть, включая Италию. Из этих трех типов бронзовые удила с ажурными псалиями в виде колесиков распространены на Ближнем Востоке, включая Кавказ и Предкавказье. Подражательный тип с более грубыми дисковидными псалиями охватывает восточноевропейские степи от Зауралья до Румынии и Венгрии с заходом в Микены. Наконец, совершенно иной тип, с роговыми псалиями в виде изогнутого стерженька, в основном, сосредоточен в западной части степей и продолжается на запад вплоть до Швейцарии (одиночные находки есть на Донце и на Кавказе). Это разделение показывает, что конное оснащение формировалось в различных средах с большой степенью независимости.

Не совсем понятно, куда Кристиансен отнес прямоугольные псалии типа Сатана, Комарова и Капитанова (см. Кузьмина 2008, рис. 6).

Можно еще добавить легкое недоумение по поводу различной трактовки роли ямной культуры и культуры колоколовидных кубков. У Кристиансена они выглядят равнозначными в этногенезе Европы. Обе культуры развили подвижность, обе воздействовали на старые неолитические культуры Европы, обе несли с собой к центру Европы металлургические традиции, обе скрестились в Центре Европы. Но ямная культура обусловила формирование культуры шнуговой керамики и боевого топора, ставшей распространителем индоевропейских языков, а культура колоколовидных кубков, даже более сильная в металлургии, только примешалась к этому сплаву и вошла в сферу кельтских языков. Но это недоумение можно отвести запросто: ну, оказалась сильнее, что поделаешь.

Всё приобретает другой вид при учете новейших выводов генетиков – о массовом распространении степного генома ямников

на культуры шнуровой керамики и всё последующее население Европы. Я уже писал о своих сомнениях по поводу того, что это означает и распространение языков из тех же источников и в том же направлении.

Вне зависимости от наших расхождений, я с удовольствием читал изложение взглядов Кристиансена, четко формулирующее влиятельную концепцию, имеющую много сторонников – и вот поддержанное исследованиями генетиков. Надеюсь, что мои критические замечания будут рассмотрены как призыв к осторожности.

Иванова С. В. 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, Друк.

Клейн Л. С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). Москва, 17 с.

Клейн Л. С. 1999. Миграция: археологические признаки. – *Stratum plus* (Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса), № 1: 52 – 71.

Клейн Л. С. 2009а. Бронзовый век Европы. Размышления над книгой К. Кристиансена и Т. Ларсона. – *Российская Археология*, 2: 169 – 175.

Клейн Л. С. 2009б. Украинское освоение триполья: энциклопедия – справочник или памятник? – *Stratum plus*, 2005 – 2009, 2: 593 – 600.

Клейн Л. С. 2014. Контрапункт в археологии: юбилейный сборник в честь Кристиана Кристиансена (Рец.: Bergebrant S. & Sabatini S. (eds.). *Contrapoint. Essays ... in honour of Kr. Kristiansen*. Oxford, 2013). – *Российский Археологический Ежегодник*, 4: 598 – 610.

Ковалев А. А. 2011. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. – *Российский Археологический ежегодник*, 1: 183 – 244.

Ковалев А. А. 2012. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. С.-Петербург, ГБУК МИСР.

Кузьмина Е. Е. 2008. Арии – путь на юг. Москва – Санкт-Петербург, Летний сад.

Резепкин А. Д. 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Санкт-Петербург, Нестор-История.

Семенов Вл. А. 1987. Древняя культура – афанасьевская культура и проблемы прототохарской миграции на восток. – *Смены культур и миграции в Западной Сибири*. Томск: 17 – 19.

Семенов Вл. А. 1993. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей). – *Петербургский Археологический Вестник* 4: 25 – 30.

Allentoft E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522, 167–172 (11 June 2015)

Anthony D. W. 2005. *The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world*. Princeton and Oxford, Princeton University Press.

Haak W. 2015. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. A preprint. – *BioRxiv*.

Heyd V. 2011. Yamnaya groups and tumuli west of the Black Sea. – *Ancestral landscapes*. TMO 58, Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée.

Klejn L. S. 2008. The Bronze Age of Europe: Reflections on K. Kristiansen and T. Larsson: *The Rise of Bronze Age Society* (2005). – *Norwegian Archaeological Review*, 41 (2): 213 — 228.

Mallory J. P. 1989. *In search of the Indo-Europeans*. London, Thames and Hudson.

